

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-241-251

ВКЛАД ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА КЛАВИХЕРО В ФОРМИРОВАНИЕ КРЕОЛЬСКОГО ПАТРИОТИЗМА НОВОЙ ИСПАНИИ

И.Ю. Веселова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматриваются проявления основных аспектов креольского патриотизма Новой Испании в работах мексиканского мыслителя Франсиско Хавьера Клавиhero. К этим аспектам относятся национальные символы, интерес к природе и географии региона, а также исследования доколумбового прошлого. Для понимания замыслов Клавиhero автор статьи обратился к историческому контексту. В статье были проанализированы некоторые факторы, повлиявшие на формирование национального самосознания в мексиканском обществе. Среди них автор выделил расцвет мексиканской науки во второй половине XVIII в., положение креолов в колониальной иерархии и отношение европейцев к Новому Свету и его жителям. Собранный информация позволила автору выявить почву, на которой сформировались патриотические взгляды мексиканского мыслителя. В связи с этим в статье также затрагиваются вопросы о национальном самосознании Клавиhero, о его восприятии Новой Испании как родины и его связи с мексиканским обществом. Автор отметил, что основной заслугой Клавиhero стало развенчание мифов о Новом Свете, и в частности о Мексике, а также помещение древних индейских культур в один ряд с культурами Античности.

Ключевые слова: Мексика, Клавиhero, Новая Испания, креолы, патриотизм, национализм, иезуиты

Введение. К концу XVIII в. стало очевидно, что в Новом Свете назревает время больших перемен. Революционные настроения, вылившиеся впоследствии в войну за независимость, имели ряд серьезных предпосылок. Не только политических, экономических и социальных, но и культурных. Синтез европейских, испанских идей и индейских традиций создал благоприятную почву для формирования идеологии сторонников независимости Новой Испании [1. Р. 169]. Тема становления мексиканской нации остается одной из ключевых тем мексиканской историографии. Ее неотъемлемой частью является проблема формирования креольского патриотизма, на базе которого впоследствии вырос мексиканский национализм. Данная статья посвящена характерным

чертам креольского патриотизма и роли, которую сыграл в его формировании Франсиско Хавьер Клавихеро (1).

Исследование проблемы. Основными авторами, исследовавшими такие явления, как мексиканский национализм и креольский патриотизм, являются историки Д. Брэдинг, Ж. Лафайе и Э. Флорескано [2; 3; 4; 5]. В их работах формирование креольского патриотизма рассматривается как длительный исторический процесс, обусловленный множеством политических и социокультурных факторов. Поскольку в данной статье мы обратимся к фигуре Франсиско Клавихеро, следует упомянуть таких авторов, как Ч. Ронан и М. Леон-Портилья [6, 7]. Их работы дают нам представление о жизни и творчестве мексиканского мыслителя, а также частично затрагивают вопрос о его патриотических чувствах. В отечественной историографии мексиканский национализм обычно упоминают в связи с Войной за независимость [1], а вопрос о креольском патриотизме и вовсе выпадает из поля зрения отечественных исследователей.

Прежде чем говорить о креольском патриотизме, следует дать определение этому термину. Креольский патриотизм – это социальное чувство, возникшее у креолов в попытке самоидентификации, осознание себя как отдельной группы с собственной культурой и территорией, а также желание защищать интересы этой группы. Можно выделить три важнейшие составляющие процесса формирования креольского патриотизма: осознание связи с определенной территорией, обращение к индейскому прошлому и создание национальных символов [5. Р. 270].

По мнению Дэвида Брэдинга, первые ростки креольского патриотизма появились еще на рубеже XVI–XVII вв., когда в среде потомков испанских конкистадоров, рожденных в Новом Свете, возникло недовольство тем, что Корона не сдержала свое обещание создать дворянское сословие в колониях [2. Р. 14–16]. Креол оказался «обездоленным наследником». С течением времени к этому противоречию добавились и другие. Во второй половине XVIII столетия процесс формирования креольского патриотизма достиг своей кульминации. Окончательно оформились некоторые национальные символы, широкий размах приобрело изучение природы и географии региона, а также появились блестящие работы, посвященные доколумбовому прошлому. Эти аспекты и связь Клавихеро с ними стоит рассмотреть подробнее.

Во второй половине XVIII в. метрополия приложила усилия для установления четких границ Новой Испании. Были ликвидированы английские поселения на Москитовом берегу, а также отправлены экспедиции в северные провинции Сонора, Калифорнию и Техас [8. Р. 401]. Испания пыталась таким образом продемонстрировать свою мощь в качестве колониальной державы. Наряду с колониальной политикой, направленной на упорядочение владений, в самом вице-королевстве начался процесс осознания собственной территории и своего места в мире.

Сбор информации о территории, флоре и фауне Нового Света, шедший на протяжении двух предыдущих столетий, с середины XVIII в. развернулся еще шире на волне растущего интереса местного населения. Интерес этот был обусловлен рядом факторов. С одной стороны, – практическими соображениями. Освоение новых земель сулило экономическую выгоду. С другой стороны, – научным интересом. Увеличилось число экспедиций в отдаленные, приграничные районы страны, проводились картографические работы. В 1748 г. была впервые опубликована карта территории Мексики, составлением которой еще в предыдущем веке занимался Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора (2). Позже Хосе Антонио Альсате (3) добавил в нее новые данные и в 1768 г. отправил в Королевскую Академию наук в Париже [5. Р. 271]. В процессе сбора данных, составления карт и списков растений и животных жители Новой Испании начали осознавать эту землю своей, связывать себя с ней.

Толчком к изучению естественной истории также послужили публикации европейских авторов. Многие из них никогда не были в Америке и описывали ее климат, флору, фауну и местных жителей, основываясь на фантастических заметках путешественников. По словам Клавихеро, он принялся за «Древнюю историю Мексики», чтобы «избежать досадной и преступной праздности, к которой приговорен; чтобы послужить своей родине, насколько позволяют силы, и чтобы восстановить во всей ее полноте правду, игнорируемую немислимой толпой современных писателей, повествующих об Америке...» [9. Р. VI]. К этой «толпе современных писателей» относились французские авторы Бюффон и Райналь, англичанин Робертсон и другие. Они критиковали климат, природу, а также физиологию и умственные способности жителей Нового Света. Среди них больше всех выделялся прусский аббат (голландец по происхождению) Корнелиус де Поу. Его работа под названием «Философские изыскания об американцах» была написана в 1768–1769 гг. Поу изобразил новый континент убогим, не идущим ни в какое сравнение с Европой, а индейцев – деградировавшими созданиями. Более того, автор счел климат Америки настолько губительным, что, по его мнению, сами креолы начали деградировать под его воздействием: «Наконец, мы пришли к тому, что можем смело утверждать, что креолы в четвертом, пятом поколении менее умны, менее способны к наукам, чем истинные европейцы...» [10. Р. 165].

Произведение Поу стало одним из главных импульсов к изданию «Древней истории Мексики». Оно стремительно распространилось по Европе и достигло Италии как раз в тот период, когда Клавихеро уже начал собирать материал для своей будущей книги [11. Р. 158]. Поу изобразил Америку и ее коренных жителей в столь неприглядном свете, что Клавихеро был возмущен. В качестве опровержения он написал девять кратких заметок (озаглавленных как «диссертации»), которые впоследствии добавил к основной части своей работы.

География и природа Новой Испании не являлись основной темой для Клавихеро. Включить ее в «Древнюю историю Мексики» его убедили друзья.

Следуя за общими настроениями, а также опровергая домыслы европейцев, он посвятил первую книгу работы естественной истории региона. Сам автор не видел необходимости в этом разделе и полагал, что некоторые персоны «сочтут его неуместным» [9. Р. VII]. Чтобы не отступать от темы, Клавихеро постарался вписать природные ресурсы, флору и фауну в исторический контекст, рассказав, как их использовало коренное население. Мексиканский мыслитель отметил, что даже для сбора таких отрывочных сведений ему пришлось приложить много усилий, поскольку его личный опыт и знание региона оказались недостаточными [9. Р. VII]. По мнению Клавихеро, тема географии и природы заслуживала отдельного серьезного исследования.

К изучению окружающего пространства добавилась временная составляющая. Уже в XVII в. начали появляться первые работы, обосновывающие преемственность Америки по отношению к Европе. В 1648 г. был опубликован труд Мигеля Санчеса под названием «Образ Девы Марии, Матери Божьей Гваделупской, чудесным образом явившейся в Мехико» [12]. В этой и других подобных работах прослеживалось традиционное креольское убеждение о том, что Америка была истинным местом положения Рая, и ее предназначение заключалось в спасении от разложения и жестокости, от которых страдала Европа. В представлении Санчеса Конкиста стала сражением между силами зла в лице индейцев и божественными посланниками в лице конкистадоров. Последним в битве покровительствовала Дева Мария. Речь шла о той самой Деве Марии Гваделупской, которая по легенде явилась впоследствии мексиканскому крестьянину индейского происхождения Хуану Диего.

Работа Санчеса была традиционной апологетикой деятельности церкви в Новом Свете. Однако в ней проявился один важный аспект, дающий нам представление о том, как формировались первые национальные символы. Санчес популяризировал образ Девы Марии – защитницы Мексики. Культ достиг своего апогея век спустя в 1746 г., когда делегаты от всех диоцезов Новой Испании собрались, чтобы объявить Деву Марию Гваделупскую своей общей покровительницей [3. Р. 2]. Решение было одобрено Святым Престолом в 1754 г. Несмотря на библейский образ Девы Марии, этот символ трудно назвать заимствованным, поскольку речь шла о ее явлении на территории Новой Испании.

Клавихеро не мог обойти стороной столь важный религиозный символ. Последняя его работа, написанная незадолго до смерти, представляла собой краткое повествование о явлении Девы Марии Гваделупской, распространении ее культа и чудесах, творимых ее образом. Эта работа раскрывает перед нами два важных аспекта: патриотическое чувство, присутствовавшее у Клавихеро, а также его глубокое почитание религиозных символов. Падре Франсиско отметил, что «можно бесконечно перечислять все благодеяния, которыми Мексика обязана Деве Марии Гваделупской» [13. Р. XXXV]. Работа была опубликована на итальянском языке. Клавихеро, как и другие авторы-иезуиты в изгнании, познакомил Европу с зарождавшимися мексиканскими символами.

Помимо оригинальных были также заимствованные и впоследствии адаптированные символы. Один из примеров – Святой Хуан Непомусено. Фигура Святого Хуана Непомусено приобрела особое значение в среде иезуитов Новой Испании к середине XVIII в. История жизни чешского Святого Иоанна Непомука привлекла внимание мексиканского иезуита Хуана Антонио де Овьедо [14. Р. 174]. В 1727 г. он написал и опубликовал биографию мученика. Его коллега-иезуит Антонио Темпис, находившийся в миссии в Калифорнии, проповедовал Священное писание среди индейцев перику. К 1736 г. волнения среди индейцев прекратились. Темпис написал в своих заметках, что в деле христианизации ему помогла история жизни Хуана Непомусено [14. Р. 149]. Популярность культа Непомусено быстро росла. Он распространился из миссий с севера страны в церкви крупных городов, а затем проник и в повседневную жизнь жителей колонии. В описи живописи, оставшейся после смерти Бласа Клавихеро, отца Франсиско, фигурируют несколько изображений Святого Хуана Непомусено [15. Р. 67]. Чешский мученик стал защитником от клеветы, наговоров и оскорблений.

Еще будучи на родине, Клавихеро сделал перевод с итальянского языка жития Непомусено, написанного Чезаре Калино. Книга была опубликована в Мехико в 1762 г. Появление этого перевода было связано со скандалом, разразившимся после публикации в 1761 г. «Поучительных воспоминаний» – по-смертной биографии Мануэля Клавихеро, младшего брата Франсиско. Негативная реакция одного из родственников, представленного в сочинении не с лучшей стороны, стала для Клавихеро испытанием. В ожидании разрешения сложившейся ситуации он обратился к жизни Святого Хуана Непомусено, покровителя священнослужителей и защитника от клеветы. Со стороны мексиканского мыслителя это был знак признательности Непомусено, поскольку он «ощутил на себе воздействие его благодати» [16. Р. II]. Для Клавихеро, желавшего очистить свое имя после скандала с «Поучительными воспоминаниями», Святой Хуан Непомусено стал символом стойкости. С того момента образ Святого Хуана неоднократно проявлялся в его жизни, особенно в связи с изгнанием и упразднением Ордена. Ссылка побудила Клавихеро, как и других мексиканских иезуитов, еще больше ассоциировать себя с фигурой чешского мученика [14. Р. 175]. Любопытно, что Непомусено также являлся одним из покровителей Университета Мехико, которому Клавихеро посвятил «Древнюю историю Мексики».

Образ Святого Хуана Непомусено – пример «импорта» и адаптации культа, с добавлением собственных ритуалов. Это была распространенная для иезуитов практика [17. Р. 403]. С одной стороны, она способствовала культурному обмену, а с другой порождала новые символы для самоидентификации.

Теперь перейдем к вопросу об истории. Историография эпохи Просвещения, изучавшая мексиканские древности, была наследницей историографии XVI–XVII вв., посвященной доколумбовым культурам. Эти хроники, казалось, угасли в первой половине XVIII столетия, но в середине века данная тематика

снова вызвала живой интерес. Во второй половине XVIII в. в вице-королевстве было в три раза больше историков, чем в первой [18. Р. 540]. Наметилась тенденция секуляризации истории. В работах появилась рациональная критика. Авторы стали уделять больше внимания источникам.

Повышенный интерес к доиспанской культуре в среде образованных мексиканцев XVIII в. был связан со стремлением наделить креолов собственным прошлым. Авторы эпохи Просвещения посмотрели на индейца по-новому, отыскивая нить, связавшую эпохи. Мексиканские историки второй половины XVIII в. «присвоили» доколумбово прошлое, превратили его в собственные корни, раскрывая связь времен. Кроме того, они нашли в прошлом господство иррационального, тем самым подчеркнув достижения их собственного времени [18. Р. 541].

Если в плане исследования природы и географии Новой Испании, а также создания национальных символов вклад Клавиhero не выглядит столь явным, то в плане защиты индейского прошлого перед лицом нападков европейцев мексиканский мыслитель, без сомнения, сделал очень много.

Как мы уже отметили выше, свою «Древнюю историю Мексики» Клавиhero написал в ответ на работы европейцев, представлявших Америку и ее жителей в дурном свете. Его работа повествует об истории коренного населения долины Анауак, их культуре и религии. В опровержение слов Поу, которого он избрал основным оппонентом, Клавиhero привел массу выдержек из работ различных мексиканских авторов, в том числе индейского происхождения, а также из свидетельств миссионеров и конкистадоров. Мексиканский мыслитель не сомневался в рациональности индейцев. Он считал, что «вся древняя история мексиканцев показывает, что они умеют думать и упорядочивать свои мысли» и что европейцы не имели перед ними никакого преимущества, кроме более развитого производства [19. Р. 224].

Клавиhero беспокоился, что книга Поу может оказать дурное влияние на читающих, создать неверное представление о Америке и ее жителях. Он постарался сделать все, чтобы изменить представление европейцев об Америке, и в частности о Мексике. Энрике Флорескано назвал «Древнюю историю Мексики» «манифестом креольского сознания» [5. Р. 279]. Опираясь на источники и личный опыт, Клавиhero показал европейцам, что жители Америки ничуть не хуже их, а древние индейские культуры сопоставимы с европейскими культурами Античности. Работа Клавиhero, написанная уже в изгнании в Италии, имела большой успех в Европе. Чуть позже она дошла до Новой Испании, где также вызвала живой интерес среди местных интеллектуалов.

Мы рассмотрели три главных аспекта формирования креольского патриотизма, которые позволили жителям Новой Испании обозначить свою территориальную, духовную и историческую автономию. Мы определили, какую роль сыграл Клавиhero в этом процессе. Однако остался еще один важный вопрос, связанный с данной темой: насколько Клавиhero осознавал себя мексиканцем?

Главной предпосылкой для отдаления от Испании стало смешение культур. Клавихеро, как и многие креолы, рос в условиях, формировавших двойную идентичность. С самого раннего детства он оказался погружен в смешанную культурную среду. Европейские, и в частности испанские традиции, к которым ему привили любовь в семье, сочетались с индейской культурой, окружавшей его в повседневной жизни.

Дополнительным стимулом для рефлексии о собственной идентичности было отношение испанцев к креолам. Они смотрели на креолов свысока, что побуждало креолов видеть в испанцах чужаков. Однако этот процесс формирования национальной идентичности шел очень медленно, на протяжении нескольких столетий, и продолжался даже после завоевания независимости.

Латиноамериканские иезуиты, креолы по происхождению, уже не были чистыми испанцами, но еще не стали чистыми американцами. Как отметил Мигель Батолри, они находились в «преднациональной регионалистской фазе» [20. Р. 578]. Жак Лафайе уточнил, что это высказывание верно, если мы подразумеваем под «нацией» особого рода общность, «характеризующуюся интеграцией различных этнических сообществ, объединенную добровольными политическими узами, общими интересами и общим эмоциональным наследием» [4. Р. 109]. Замечание о «преднациональной регионалистской фазе» верно и для Клавихеро.

Клавихеро, безусловно, сознавал свою принадлежность к мексиканскому обществу. В своих заметках он неоднократно употреблял слово «родина» в отношении Новой Испании. В своем обращении к Университету Мехико он написал, что его «Древняя история Мексики» – это «история Мексики, написанная мексиканцем» [9. Р. III]. Однако далее, на протяжении всего повествования, он употреблял слово «мексиканец» только в отношении индейцев. В одной из своих диссертаций Клавихеро подчеркнул: «Я рожден от испанских родителей и не имею никакого родства с индейцами, и не ожидаю никакого вознаграждения от их несчастного положения» [19. Р. 208]. В связи с этим возникает более сложный вопрос: насколько Клавихеро отделял себя от испанцев? В прологе к «Древней истории Мексики» он соотнес себя как с креолами, так и с испанцами, называя и тех и других «соотечественниками» [9. Р. VII–VIII]. При этом в тексте присутствует четкое разделение между указанными группами. Жак Лафайе пришел к выводу, что в данном случае Клавихеро определил себя испанцем по крови, но мексиканцем-креолом по территориальному происхождению [4. Р. 108]. Кроме того, Клавихеро относил себя к креолам как к отдельной социальной прослойке. В его восприятии мексиканское общество представляло собой некую общность, объединяющую разные социальные группы. Почему же тогда он назвал себя «мексиканцем» в обращении к университетским коллегам? Клавихеро специально подчеркнул, что является «мексиканцем», чтобы обозначить свою тесную связь с Новой Испанией и ее жителями. Таким способом он демонстрировал, что может рассказать правдивую историю страны, в которой родился и жил долго время,

в отличие от европейских авторов, которые никогда не были в Новом Свете. Также можно предположить, что Клавихеро чувствовал общие настроения в колониальном обществе и, что еще более важно, в среде мексиканских интеллектуалов.

Заключение. Благодаря работам мексиканских авторов второй половины XVIII в. к патриотическому чувству креолов добавился «научный национализм», способствовавший еще большему отдалению от Испании [21. Р. 34]. Однако следует подчеркнуть, что корни нового знания были европейскими. Идеи Просвещения упали на благодатную почву. Они были переработаны колониальными мыслителями и адаптированы под особые местные реалии. Длительный процесс развития науки в колонии привел к ее расцвету во второй половине XVIII в., ускорившему движение к независимости страны.

Клавихеро внес опосредованный вклад в формирование креольского патриотизма. Его работы были так или иначе связаны со всеми тремя рассмотренными составляющими креольского патриотизма, в меньшей степени с осознанием территории и символов, в большей – с возведением индейского прошлого в один ряд с европейским. Основные работы Клавихеро были опубликованы в Европе, и первой с ними познакомилась европейская публика. В попытке показать европейскому обществу, что мексиканское общество ничем не хуже, он неосознанно провел еще более отчетливую границу между ними. Мы не можем назвать Клавихеро одним из основоположников мексиканского национализма, поскольку сам он не высказывал никаких радикальных идей и не поддерживал антииспанские настроения. Однако его работы сыграли важную роль в процессе восприятия мексиканцами собственного исторического наследия и дали пищу для размышлений будущим идеологам независимости страны.

© Веселова И.Ю., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Франсиско Хавьер Клавихеро (1731–1787) – мексиканский историк, философ, член Ордена иезуитов, написавший «Древнюю историю Мексики», один из наиболее известных трудов по доколумбовому прошлому страны. В 1767 г. вместе с другими иезуитами, изгнанными из испанских владений, был выслан в Италию, где провел остаток жизни.
- (2) Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора (1645–1700) – мексиканский мыслитель, эрудит, интересовавшийся самыми разными областями знания: математикой, астрономией, картографией, агрономией, физикой и историей. Он собрал обширную коллекцию книг и исторических документов, в том числе индейского происхождения.
- (3) Хосе Антонио Альсате (1737–1799) – мексиканский мыслитель, эрудит, деятель мексиканского Просвещения. Занимался выпуском одного из первых научных периодических изданий Новой Испании – *El Diario Literario de México*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Война за независимость Латинской Америки. М.: Наука, 2011. 422 с.
- [2] Brading D.A. Los orígenes del nacionalismo mexicano. México: Secretaría de Educación Pública, 1973. 223 p.
- [3] Brading D.A. Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VI. Birmingham: The University of Birmingham, 1995. P. 1–18.
- [4] Lafaye J. Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531–1813. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. 336 p.
- [5] Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. México: Taurus, 2002. 530 p.
- [6] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [7] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [8] Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 389–440.
- [9] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. I / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 285 p.
- [10] Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. 550 p.
- [11] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [12] Sánchez M. Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. México: Imprenta de la viuda de Bernardo Calderos, 1648. 217 p.
- [13] Clavigero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. Cesecna, 1782. 39 p.
- [14] Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno // Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas. Vol. XXXIII. Num. 99. México: Instituto de Investigaciones Estéticas, 2011. P. 137–179.
- [15] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y aprecio de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [16] Clavigero X.M. Prólogo del traductor // Calino C. Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno. México: Imp. del Real y más antiguo colegio de S. Ildefonso, 1762. 96 p.
- [17] Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, № 14. México: Destiempos, 2008. P. 397–412.
- [18] Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 523–541.
- [19] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. II / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 321 p.

- [20] Batllori M. *La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos*. Madrid: Gredos, 1967. 698 p.
[21] Saldaña J.J. *Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica*. Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. P. 19–49.

CLAVIJERO'S CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE CREOLES' PATRIOTISM OF NEW SPAIN

Irina Veselova

Peoples' Friendship University of Russia
Department of World History
10/2 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russia, 117198

In this article we describe the major aspects of Creole patriotism in New Spain in the works of Mexican thinker Francisco Javier Clavijero. Among these aspects are national symbols, interest in region's nature and geography, as well as the pre-Columbian past studies. For understanding the ideas of Clavijero the author requested the historical context. In this article were analyzed some factors affecting the process of formation of a nation identity in Mexican society. Among them the author highlighted rising of the Mexican science in the second half of XVIII century, creoles position in colonial hierarchy and European's attitude towards the New World and its inhabitants. The information collected has enabled the author to pinpoint field in which patriotic views of the Mexican thinker were formed. In this, article also showed aspects about Clavijero's own national identity, about his perception of New Spain like homeland and his connections with Mexican society. The author noted that Clavijero's major contribution was countering myths about the New World, in particularly about Mexico and also he could put old Amerindian cultures in one range with ancient European cultures.

Key words: Mexico, Clavijero, New Spain, patriotism, nationalism, Creoles, Jesuits, Enlightenment

REFERENCES

- [1] *Vojna za nezavisimost' Latinskoj Ameriki [War for the Independence of Latin America]*. Moscow: Science, 2011. 422 p.
[2] Brading D.A. *Los orígenes del nacionalismo mexicano*. México: Secretaría de Educación Pública, 1973. 223 p.
[3] Brading D.A. *Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas*. Vol. VI. Birmingham: The University of Birmingham, 1995. P. 1–18.
[4] Lafaye J. *Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531–1813*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. 336 p.
[5] Florescano E. *Historia de las historias de la nación mexicana*. México: Taurus, 2002. 530 p.

- [6] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [7] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [8] Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 389–440.
- [9] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. I / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 285 p.
- [10] Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. 550 p.
- [11] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [12] Sánchez M. Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. México: Imprenta de la viuda de Bernardo Calderos, 1648. 217 p.
- [13] Clavigero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. Cesecna, 1782. 39 p.
- [14] Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno // Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas. Vol. XXXIII. Num. 99. México: Instituto de Investigaciones Estéticas, 2011. P. 137–179.
- [15] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y aprecio de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [16] Clavigero X.M. Prólogo del traductor // Calino C. Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno. México: Imp. del Real y más antiguo colegio de S. Ildefonso, 1762. 96 p.
- [17] Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, №14. México: Destiempos, 2008. P. 397–412.
- [18] Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 523–541.
- [19] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. II / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 321 p.
- [20] Batllori M. La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. Madrid: Gredos, 1967. 698 p.
- [21] Saldaña J.J. Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. P. 19–49.

Сведения об авторе:

Веселова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры Всеобщей истории РУДН.
E-mail: Irinaxochitl@gmail.com